

● ● ●
Милый гробок для чужого кольца—
Это начало какого конца?
Это конец для начала чего?!
Это распустье пути моего.

Это фактура, и форма, и цвет
Боли, которой названия нет:
Бархатный чёрный квадратный провал—
Хаос, который меня миновал...

Розовый свет на поклонном кресте
Сманит в закатную тёплую степь.
Нежитью выйдешь, чтоб видеть в упор
Семиконечный крылатый простор.

● ● ●
Когда земное время схлынет прочь,
Всесильное отзывчивое слово
Вернёт меня в декабрьскую ночь
Далёкого две тысячи шестого,

Где молодость, как талая вода,
Воскресшая без спроса и до срока,—
Весёлая упрямая беда—
Отчаянно течёт по водостокам,

Где царствуют сосновые дрова
В печном уюте—тесном и жестоком,
Где лишь любовь наивна и права,
И оттого она зовётся Богом!

● ● ●
Родниковую лаву—стихию речь
Можно, только черпая, уберечь,
К воспалённым устам поднося в горсти.
Только тем и можно себя спасти.

Ведь всего и дела-то—пей да пой,
Подавая всякой душе слепой
Путеводный голос, благую весть:
Я здесь.

● ● ●
А я ревновать к ней не стану:
Она—первозданно светла—
Любовь, как горящую рану,
След в след за тобою несла

По временно-съёмным вертепам,
Походным сырым шалашам,
Пред гневным грохочущим небом
Смертельные стрелы туша.

Дай сил мне любить её, Боже,
Сквозь сень наклонённых ресниц
Наивностью трав ранневсхожих,
Смирением раненых птиц...

Встреча

Её одежды не могли
Ни скрыть, ни выдать странный возраст.
На зимний потаённый воздух
Снежинки острые легли.

И эта жгучая пыльца
Растушевала очертанья
Неяркого её лица
В овальной раме чёрной ткани.

Она прошла издалека
В толпе, текущей монотонно,
Но хлеб сиял в её руках
На фоне воллого бетона.

И: «Здравствуй, девушка!»—она
Произнесла как поздравленье
У кромки каменного сна,
За выдох до разминовенья.

И если б мне на миг иной
Опомниться, остановиться—
Лишь потревоженная птица
Вспорхнула б за моей спиной.

● ● ●
Неспешная эта осень тягостно невесома.
Легко обнимает сердце тугая её истома.

Веснушчатый лист, слетая, кружит нестерпимо долго,
Торжественно оседает в траву, как в ладони Бога.

И кажется, что не надо иного душе простора,
Но если окинуть взглядом вдали распростёртый город,

Покажется, что протянут в туман идеальный баннер,
В который нельзя вернуться, но можно прочесть — губами.

Дистих

1.

Дай мне сил удержать в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься — переболел,
А на деле — сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2.

Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назоилливой глины,
Но мне слышно как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал
И гудит, и пружинит в несметной натуге...
Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.

И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

● ● ●
Веди меня сквозь рокот городской,
Сквозь токовища, тырлища людские —
Чувствилища, взведённые тоской
По громовой молниеносной силе!

Веди меня сквозь робкие штрихи
Берёзовой невыразимой речи,
Сквозь пёстрые прозрачные стихи
К спасительной повадке человечей!

Веди на ветхий приглушённый зов,
На дальний звон, чтоб светоносный воин,
Перелистав Вселенную с азав,
Шагнул ко мне — прекрасен и спокоен...

Родниковая речь

*Мы знаем, что ныне
лежит на весах...*

А. Ахматова

Кто до смерти болел,
Кто в угаре горел,
Кто в тазу на эмали
Ошмётком алел...

Только я родилась —
И нагой, и босой,
Со звездой во лбу
Да с луной под косой.

Но на то и дана мне
Хрустальная стать,
Чтоб навстречу формату
Воинственно встать.

Но на то и дана
Родниковая речь,
Чтоб во имя её
В землю прелую лечь!

Дедов я не просила:
«Да будет война!» —
И отцам-то не я
Подносила вина,
И внеплановых братьев
Прозрачную плоть
Не велела стерильной
Иглой заколоть.

Величавый язык,
Наречённый мой брат,
Под раскатыстый рык
Будет взломан твой враг,
И по оптоволокну, горячим ещё,
Родниковая речь как река потечёт.

● ● ●
В крошечном однажды
Горячим иссохшим рукам
Роскошную жажду
Нести по песчаным шелкам

И, хищную осыпь
Взрывая покорной стопой,
Почуять на ощупь,
Что сердце живое — с тобой.

И словно впервые
В исконной истоме сторгать,
Но гибнут — живые.
Я в силах ещё умирать.